

Анатолий ЖАРИКОВ

Завтра

будет

вчера

Лирические
стихотворения

Анатолий Жариков
Завтра будет вчера.
Лирические стихотворения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014420
ISBN 9785448348839*

Аннотация

Иногда это вопросы риторические, словно ребёнок смотрит мир прозрачными, светлыми глазами: Божий день. Оса в конверте. Кто живёт на этом свете? Чаше – это нелёгкие, болезненные вопросы: А если там, в аду или раю, ещё раз умереть, куда я попаду? Лирический герой не приходит к определённым выводам: Не торопись, возьми и взвесь на каменной реснице Будды и жизнь, как будто она есть, и смерть, как будто она будет. Поиски продолжаются. А значит, продолжаемся и мы.

Содержание

Не-Мой ДЕНЬ	10
«Плохою не бывает, дрянь – погода...»	10
Уроки русского	11
«И что возвышало, хранило, влекло, растаяло в дым...»	12
Утро туманное	13
Если проснусь	14
Филип Ларкин. Иди сюда	15
«Пьяное поле...»	16
«Я не грешен, хожу по парку...»	17
«Дятел полдень насквозь продолбил...»	18
«Тот, кто искренен, – таен и тих...»	19
«Льётся вода из чайника в чашу...»	20
Разговор	21
«Твои глаза у ангела...»	22
«День минул, жизнь не ведает конца...»	23
«И речка, отрезвевшая до дна...»	24
«От Змея пошли Каины...»	25
«А если там, в раю или в аду...»	26
«В небе столкнулись две птицы и обнялись...»	27
«Родина смачно поставит засосы...»	28
«На родине всё глаже, тише...»	29

«Горек дым сигарет...»	30
«То, что таишь от других, то и снится тебе...»	31
«Закручивай сюжет...»	32
«Мне вилка в бок, ребро в печёнку ...»	33
«Просунь глаза в весеннее окно...»	34
«Дождь замазал все окна...»	35
«Вот и вечер кроваво-розовый...»	36
«С утра понос, в обед донос, на ужин – диарея...»	37
Ухо Ван Гога	38
«Осень срезала гонор, и парки дрочат кудель...»	39
«Ты смеялась над жизнью...»	40
«Моргнёшь – и зарастёт окно...»	41
«Сойка прилетает под окно...»	42
Ночные бабочки	43
«Ноябрь, нетрезвый запах листьев...»	44
«Я жил на задворках...»	45
«Бог – это имя...»	46
«Двуедино: башмаки и путь...»	47
«Ты богат, потому что нищ...»	48
Омар Хайам. Игра	49
«Принимайте правила игры...»	50
«Откройте бутылку и пейте...»	51
Иов	52
«В грозовой темноте звёздный крест...»	53

«Разобьём на мусор стеклотару...»	54
«Вечер как вечер, уходим в ночь...»	55
«Наши души уже не вернёшь...»	56
Сентябрь. Симфония	57
«Весел майский, грустен осенний дождь...»	58
«Пылью закрылась от нищих дорога...»	59
«Долбанул копытом по забору...»	60
«Не надо никуда уходить...»	61
«Жизнь беспредметна и убога...»	62
«Наш подъезд обворован, обгажен, на надписи смел ...»	63
«Смерть приберёт, не закрывая книги...»	64
«Разве помнит гусеница крылья?...»	65
«Летом на окне снежинка...»	66
«Смертна роса на цветах полевых...»	67
«Нам оставил век одни загадки...»	68
«В строчке то Пушкин, то бог...»	69
«Живём по времени Дали...»	70
«Сделай ковчег в триста локтей, Ной...»	71
«Всего не перепробуешь, но есть...»	72
«Вот и мир проявился...»	73
«Меня освободили, я – Варавва...»	74
«Да Винчи безбожник...»	75
«Через час и в провинции будет полдень...»	76
«Ты каштановый мой, мальчик-с пальчик...»	77
«Дождь не похож на слёзы...»	78

«Сон жизнью, жизнь была войной...»	79
«Мы отдаём и шпагу, и кинжал...»	80
Готфрид Бенн. Из беспамяти	81
«Не пропускай слова...»	82
«Душа идёт ко мне от жизни...»	83
Новый Иов	84
«Бесстрастен, бесконечен, лох...»	85
«Он видел смерть, за ней не видел бога...»	86
«Ты оглянулся, милый мой...»	87
«Так хорошо, что позабыл вопросы...»	88
«Разулся путь, и чернозём...»	89
«Мир полнится, течёт, растёт...»	90
«Из, может, разных тем...»	91
«Течение в жизнь, синодик без начала...»	92
«Мы прощаемся, значит прощаем...»	93
Марина Цветаева. Проявление	95
«В халатах белых – ангелы...»	96
«Любовь твоя не остыла...»	97
«– Из нас кому, душа, печальнее на свете?..»	98
«Стоя спит часовой под стеной Кремля...»	99
«Какой-то злой и умный бог...»	100
«Саврасов пишет в сотый раз грачей...»	101
«Крутая туча над испугом дня...»	102
«Бог душу вдохнул, но выдохнул волю...»	103
«У подруги душа...»	104
«И всё же русский ямб неистребим...»	105

«Разбавляясь душой, как вином...»	106
«Разрушит мир за пять реальных дней...»	107
«Пока я пьян, пишу стихи...»	108
«Одиноки дни поэтов...»	109
Большая трава	110
«Сад, скамейка, червивое лето...»	110
«Не любить я не могу...»	111
«Погибнув на сцене, он пьёт в дешёвом кафе...»	112
«Кот на цепи, в избушке Баба-...»	113
«Чувства осени отчаянны...»	114
«Я пил, разбавляя неправдой добро...»	115
«Я на мгновенье замер, я замёрз...»	117
«Нам не больно – играют за нас...»	118
«Мир грязи, полный скотства и любви...»	119
«Холодный день сорит лучами света...»	120
«Воскресные дни по аллеям проходят...»	121
«Не по себе равняем, а по истине...»	122
«Уходя, оглянись...»	123
«Июльский полдень облачился в тучу...»	124
«Мы ждём тепла, как Павел ждал еврея...»	125
«В разрывающей вены вселенной...»	126
«От белой выюги потемнело...»	127
«Такое сложное устройство...»	128
«Уже цветёт черешня, зреет слива...»	129
«Кем-то выпит уже небосвод...»	130

«В одной стране бюджет, общак, чулок...»	131
«Коридоры больниц и тюрем...»	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Завтра будет вчера

Лирические стихотворения

Анатолий Жариков

© Анатолий Жариков, 2017

ISBN 978-5-4483-4883-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не-Мой ДЕНЬ

*Этот абсурдный и безбожный мир населён
утратившими надежду и ясно мыслящими
людьми.*

Альбер Камю

«Плохою не бывает, дрянь – погода...»

Плохою не бывает, дрянь – погода
и мокрый снег на чашечках весов.
Уже написано сочувствие народу
тяжёлыми ударами часов.

Что делать в январе? Оставить кожу
с зарубкой года и отплюнуть яд.
Все ёлки тайной памятью похожи,
когда на крестовинах стоя спят.

Уроки русского

Я не проснусь от слов на франсе или англише,
не гнусавь, дорогая, и не томи,
я не пойму откровенное *goy tu mi*,
разорви мои вены спокойным «сунься поближе...»

«И что возвышало, хранило, влекло, растаяло в дым...»

И что возвышало, хранило, влекло, растаяло в дым...
И вот не мужчина уже, а почти херувим,
лежит подле Вас, махрою и водкой храним.

Утро туманное

Здесь плотный дух, здесь запах лука,
котлет и винного завода,
три куба воздуха для слуха,
один квадрат для небосвода.

И полчаса лучи от солнца
играют с утварью убогой,
за стенками стучит, и льётся,
и плачет драма диалогов.

Пора, будильник зубоскалит,
принять свой шкалик кислорода.
Хрипят простуженные дали.
Слова и музыка народные.

Если проснусь

Свет созревает, как нарыв,
на сером теле неба.
Я спал, я для себя открыл,
что я полночи не был
на светлой стороне земли,
где люди, горы, корабли,
семья, друзья, работа...
Глаза открыл мне кто-то,
и я увидел, как я стар,
мой собеседник – жалкий страх,
стакан – мой собутыльник.
И свет не держится на мне,
он тенью дрыхнет в стороне,
как мёртвый свет латыни.

Филип Ларкин. Иди сюда

...И вот – спешит под парусом молчанья,
на чёрной палубе немые чайки,
в кильватере не пенится вода. – Иди сюда!

«Пьяное поле...»

Пьяное поле.
Ветер на воле.
Запах соломы.
Тень у порога.
Дали без Бога.
Кто мы?

«Я не грешен, хожу по парку...»

Я не грешен, хожу по парку,
собираю бычки и парюсь,
мну ногами ржавые пятна,
что от солнца, словно опята,
а руками пишу тему,
а глазами нагую Еву,
чтобы нежно её трогать...
У меня нет претензий к Богу.

«Дятел полдень насквозь продолбил...»

Дятел полдень насквозь продолбил,
жук всю ночь до утра прожужжал,
я до доньшка жизнь пропил,
я до смерти её продышал,

до ширинки её просвистел,
до шнурков её проморгал,
я звезду просверлил, проглядел,
ничего там не увидал.

«Тот, кто искренен, – таен и тих...»

Тот, кто искренен, – таен и тих
и не видит своей звезды.

Сад свои деревья расстриг
перед снегом и нищ до дыр.

Рассекает ядом язык,
не теряет форму змея.
Под ларьком привокзальным мужик
загрустил от вина бытия.

За един остановленный миг
пьёт вокзал и седой проводник,
пьяный Фауст к окошку приник,
как седые столетия, дик.
Тот, кто искренен, – таен и тих.

«Льётся вода из чайника в чашу...»

Льётся вода из чайника в чашу,
дождь шебаршит на покато́й крыше,
тихо уходят столетия наши,
белые, чёрные, тёплые, рыжие.

Медленно почва твердеет под солнцем,
наши пироги ещё под пилою,
пахнут мочой и смолою сосны,
пахнут слова кислотой перегноя.

Тёплый кагор от сознания густеет,
в щели и дыры стекают мысли,
свет обгрызают крылатые тени:
сытые свечи, церковные мыши.

Разговор

На разных языках о разном
беседовали двое. Мир стоял
на пиках, виселицах и распятьях...

Он же пришёл с оружием, которым
можно разрушить и создать,
забыться, просветлить, стать всемогущим —
Словом. С тем, что способно обезоружив —
подчинить; дать направленье —
ослепив; безвольного —
поставить первым; и нищему —
дать все богатства мира...

Он опустил на голову больного
ладонь, и боль ушла. Впервые
стало просто и свободно. Но более больной
не изъявил желанья лечиться...

День истекал часами и сознанием.

— И что есть истина?

— Какой сегодня век?..

«Твои глаза у ангела...»

Твои глаза у ангела,
слова твои у дьявола,
язык твой у змеи.

Моя душа от ангела,
мои стихи от дьявола
и дни мои – твои.

«День ми́нул, жи́знь не веда́ет ко́нца...»

День ми́нул, жи́знь не веда́ет ко́нца,
поэ́т пьёт ме́д из кро́ви му́дрца,
на гра́ни призра́чного сча́стья
спи́т на скаме́йке че́ловек.
День дле́тся до́льше за́мысла твора́ца.

«И речка, отрезвевшая до дна...»

И речка, отрезвевшая до дна,
и почва, отощавшая до глины,
нам представляют лета середину;
раскрыты клювы, пасти, изо рта

полдня исходит заданное слово,
лень на полях, молчанье в небесах,
и мысль течёт асфальтом, и сурово
размазано пространство на часах.

Нет хода, ритма, строчка набекрень,
в пыли лежит плохую рифмой день,
в медовом мареве пустынные пути,
не хочется и некуда идти.

«От Змея пошли Каины...»

От Змея пошли Каины,
от Адама Авели,
из дерьма повсюду
всякие Иуды.

Видел бог, что дела
нет от беспредела.
И тогда из света
пьяного поэта
в понедельник сделал.

«А если там, в раю или в аду...»

А если там, в раю или в аду,
ещё раз умереть, —
куда я попаду?

«В небе столкнулись две птицы и обнялись...»

В небе столкнулись две птицы и обнялись.

Пёс ходил меж людей и пугал человеческим взглядом.

Две параллельные просто сольются в одно.

Слишком большое пространство для жизни – покажется
ночью.

Очень короткое время звучанья стиха.

«Родина смачно поставит засосы...»

Родина смачно поставит засосы,
ветер погонит стихи по дорогам,
дождик присядет со мной на пороге:
– Братцы, возьмите меня в дикороссы.

Солнце прикурит с моей сигареты,
небо хлебнёт вина из стакана,
в сердце тепло, потому что лето,
пью за здоровье всех графоманов.

Утро на доблестный подвиг настроит,
важно запомнить всё поминутно...
Всё прожитое сходно с игрою,
дни отпускаю, куда-то плывут они...

«На родине всё глаже, тише...»

На родине всё глаже, тише,
где ж ё-моё, ядрёна мать?!
Земляк такую хрень напишет,
что некогда и почитать.

«Горек дым сигарет...»

Горек дым сигарет,
снится молот и серп
и изолятор сучий,
снится счастливый случай,

мать наша на плакате
на здании военкомата.
Горек угарный дым,
Родину не продадим —

так меж собой говорим
между четвёртой и пятой...
Пахнет дерьмом и мятой
весна...

«То, что таишь от других, то и снится тебе...»

То, что таишь от других, то и снится тебе,
снился вода – значит к счастливой судьбе;
снился петух – значит певцом тебе быть
с голосом очень высоким; снятся гробы —
быть тебе мастером, делать красивые вещи.
Снится дорога – шляться по ней бесконечно.

«Закручивай сюжет...»

Закручивай сюжет,
раскручивай рассказ,
твоя свеча уже
не отогреет глаз,
не даст на стены тень
и свет на потолок. Обыкновенный день,
от неба шерсти клочок...

«Мне вилка в бок, ребро в печёнку ...»

Мне вилка в бок, ребро в печёнку —
весна, мутит от передвижек,
на площади играет Моцарт,
в подвале пьёт вино Сальери.
Через дорогу славят бога
колокола, скрежещет птаха,
бьют яйца, заедают пасхой...
Но я предпочитаю Баха.

«Просунь глаза в весеннее окно...»

Просунь глаза в весеннее окно,
там крутят чёрно-белое кино,
механик пьян, корабль идёт на дно,
а с ним причал и город заодно...

Стоящему ж у храма всё равно,
ему от мира божьего дано —
и горький хлеб, и сладкое вино.

«Дождь замазал все окна...»

Дождь замазал все окна,
может, вечер уже, может, ночь,
та стена, что на север, промокла,
не звонит с понедельника дочь.

Я ковёр ковыряю в зале,
ты на кухне по делу торчишь.
Мы давно все слова сказали
и теперь, как шпроты, молчим.

Мы теперь старик и старуха
у корыта... Дни наши тихи...
Мы не верим ни смерти, ни слухам
и от скуки читаем стихи.

«Вот и вечер кроваво-розовый...»

Вот и вечер кроваво-розовый,
не оставил ни дыма, ни света.
Храм разрушен. Камни разбросаны
По участку соседа.

Всё по осени посчитали,
взвесили, сказали итоги...
В вашем небе жабы летают,
в нашем хлеве живут носороги.

«С утра понос, в обед донос, на ужин – диарея...»

*...И смертные не могут пасть столь низко.
Геннадий Кононов*

С утра понос, в обед донос, на ужин – диарея,
кровит ноздря, под глазом кто-то сдох.
На пересылках долго не болеют
и каждый – бог!

Под баком с нечистью с печальным псом он знался,
делились манной, выли за святых,
и плакал, когда били, улыбался,
когда смеялись: «Бард и божий псих...»

Он бог един, другие боги смертны,
но, к сожаленью, неба день истёк.
Никто не слышал, выл паскудный ветер,
как знаки Морзе подавал Владивосток.

Ухо Ван Гога

Когда ему (уху) в глаз
попало семя яблока,
оно (ухо) начало прорастать
корнями и разделять полушарие
мозга ещё на две половинки.
Тогда Ван Гог отрезал его (ухо),
бросил в мусорный бак
и сказал ему: «Я изгоняю тебя,
теперь ты живи само,
слушай звон монет, которые
бросают нищему музыканту и
обоняй запахи грязных костей,
которые собаки вылавливают на помойках».

«Осень срезала гонор, и парки дрочат кудель...»

Осень срезала гонор, и парки дрочат кудель,
осень вся, до ступней, в мандраже паутинном.
Жизнь профукал, как пьяный начальник артель,
распишись под стеной, как Ван Гог под картиной.

В небе сору сгорающего в пол-лица,
звездочётам работы – расплавится разум.
Надо б вычислить сразу созвездье Стрельца,
чтоб потом, когда сплюнет Земля, не промазать.

«Ты смеялась над жизнью...»

Ты смеялась над жизнью,
как ветер над голым полем,
зажигалась, до ночи сгорала дотла.
Не плевала в затылок отчизне...
Ты и смерть приняла,
как таблетку от боли.

Скоро спалится солнца желток,
скоро кура снесётся опять.
Ползатяжки, граничный глоток...
Научусь каждый день умирать.

«Моргнёшь – и зарастёт окно...»

Моргнёшь – и зарастёт окно
цветами, бабочками, пылью.
День повторится лишь в кино,
но всё равно Чапай не выплывет.

Куда ж нам плыть?.. – Не знал поэт,
на вдохе не закончив строчку.
Но помнит о весенних почках
осенний неподвижный бред.

Листва замыслила побег,
дождаться бы промозгой ночи.
Проникнет в плоть хрустальный снег
и улетит душа из рощи.

«Сойка прилетает под окно...»

Сойка прилетает под окно
посмотреть сквозь мутное стекло.
У меня есть жёлтое зерно
для пернатых, фей и НЛО.

Для небритых особей – горилка,
для уставших – мягкая подстилка.
А для той, с которой я на «ты»,
поливаю белые цветы.

Ночные бабочки

Штопор, штрафная рота,
выживи или умри.
Как на фашистские дзоты,
падают на фонари.

«Ноябрь, нетрезвый запах листьев...»

Ноябрь, нетрезвый запах листьев,
оптимистический исход,
дороги замечает лисья
позёмка, кончен год.

Деревьев кости посветлели,
как под рентгеном, ночь бела,
и время вздрагивает еле,
как между рамами пчела.

До волчьих нор пейзаж зачитан,
явись, израненный Ван Гог.
Твой путь запутанный и чистый
направит бог.

«Я жил на задворках...»

Я жил на задворках
империи грустной,
курил *Беломор*
и пил за искусство.

Мне по фигу Сталин,
не снится мне Ленин,
и песни иные
поют поколенья.

И я подпеваю
из новой посуды
за то *уже было*,
за то *ещё – будет*.

«Бог – это имя...»

Бог – это имя.
Отчество и фамилия
убивают Бога.

Бог – это безумие.
Сознание убивает Бога.

Бог – это мера.
Творчество убивает Бога.

Бог – это сомнение.
Вера убивает Бога.

Бог – это пустота.
Жизнь убивает Бога.

«Двуедино: башмаки и путь...»

Двуедино: башмаки и путь,
женская раздвоенная грудь,
свет и тень на старческом лице
и начало нового в конце.

«Ты богат, потому что нищ...»

Ты богат, потому что нищ,
я блажен, потому что пьян.
Мир без бога, сказал Ницше,
мир во зле, сказал Иоанн.

Говорили: мир – красота,
говорили: мир – суета.
А предвечный, кто хлеб суть и соль,
прошептал на горе: мир есть сон.

Омар Хайам. Игра

Площадка ровная, мяч кругл,
забава сердцу, тренаж для ног и рук.
Начала и концы, игрок и зритель —
в руке невидимой, швырнувшей мяч в игру.

«Принимайте правила игры...»

Принимайте правила игры
улицы, опущенного мира,
надписи в общественном сортире,
словно в Конституции, стары.

Приняты данайские дары,
где вы, древние уроки Трои?..
Словно Конституция страны,
жизнь пуста, смерть похорон не стоит.

«Откройте бутылку и пейте...»

Откройте бутылку и пейте
за смерть, за стихи, за отчизну.
Возможно, что там, после смерти,
не помнят стихи о жизни.

Иов

Он молился, ни братьям, ни богу не нужен,
черви плавали в теле, гноились глазницы,
долгий старческий век ожиданием простужен,
только мухи к нему прилетали, как птицы.

Он страдал и страданиями не был унижен,
и, казалось, лицом становился светлее,
и горела свечою сердечная ниша,
будто он истекал не гноем – елеем.

Он молился, ни братьям не нужен, ни богу,
нищей плотью и костью навек искажённый...
Годы шли, приходили иные эпохи,
только глаз видел дальше, как небо, бездонный.

«В грозовой темноте звёздный крест...»

В грозовой темноте звёздный крест,
кто-то снялся, свалился, воскрес.
Крест, проклятьем ли, взглядом, забит
в пуп Вселенной... Пускай поболит.

«Разобьём на мусор стеклотару...»

Разобьём на мусор стеклотару,
выпустим на волю тараканов,
мы, вчерашние бомжи и странники,
мы, философы гранёного стакана.

Вечен пир, болезнь ушла за море,
смех и смерть, столбняк и анекдоты,
напиши на зассаном заборе:
кто-то жил здесь и любил кого-то.

Не засни в степи или в дороге,
пробуждайся завтра на рассвете.
Нашу водку допивают боги,
наши песни доедают дети.

«Вечер как вечер, уходим в ночь...»

Вечер как вечер, уходим в ночь.
Тихо. Бессмертно.
Каждому синьки и света сколь хошь,
на каждого метка.

Булькает время, крови исток
вскоре иссякнет,
гоп – в подворотне, в постели – стоп,
скучно и всяко.

Смерть человеков, как чудо, проста,
ни взятки, ни пошлин,
мы воскресаем совсем не с креста,
смешно и пошло.

«Наши души уже не вернёшь...»

Наши души уже не вернёшь,
наши язвы золой не излечишь,
всё, что было, прожёвано, что ж,
есть, Горацио, бранные вещи.

Если шпага змеится, укол
не замедлит прошить портьеру.
Мир безмерно заврался и гол,
равнодушно стой у барьера.

Сентябрь. Симфония

Холодная страна.

Бах. Гёте. Ницше.

Симфония листвы.

Рапсодия опят.

Симфония листвы.

Песок. Вода. Мышь. И

на скамейке спят.

«Весел майский, грустен осенний дождь...»

Весел майский, грустен осенний дождь,
летний скучен, а зимний спит,
нарисуй на уставшей бумаге дрожь,
а на хлеба корку намажь спирт.

Время голоса не подаёт
и его по лицам не различить,
ветер степь от сугроба к сугробу шьёт,
как историю жизни врачи.

Всё равно, чем набьётся дырявый рот,
тёмный дождь исказит черты.
Старый лодочник умер, иди вброд
до весёлой рассветной звезды.

«Пылью закрылась от нищих дорога...»

Пылью закрылась от нищих дорога,
падают листья на воду, убого
выглядит в камне и золоте церковь,
напоминая о боге и смерти.

Красная нить истекает сюжетом
дня, и провинциального лета
запахи, небо и та же дорога
напоминают о жизни и боге.

«Долбанул копытом по забору...»

Долбанул копытом по забору
тягловый седой пегас,
как река впадает в сине море,
день поднялся в небо и угас.

Заискрилась ночь, как поддувало,
и зависла, тёмная, в себе,
золотая тучка ночевала
этой ночью не в моей избе.

Не иссяк источник Иппоклена,
старый бог к забвению приник,
зоб полощет золотом портвейна;
спит неразговорчивый тростник.

«Не надо никуда уходить...»

Не надо никуда уходить,
завтра выпадет дождь и появится солнце,
чтобы нам окончательно заблудить-
ся, достаточно высадить сосны,
зажечь день, погасить свечу
и в оставшейся музыке незаметно
различить в каждом слове чу-
до жизни и улыбку смерти.

«Жизнь беспредметна и убога...»

Жизнь беспредметна и убога
без смерти, женщины и бога.

«Наш подъезд обворован, обгажен, на надписи смел ...»

Наш подъезд обворован, обгажен, на надписи смел —
губная помада, резина, дыхание тел.
На десять семей с задрипанным псом пищевод,
под сеткою солнце едва золотит небосвод.

По сорным ступеням с уклоном налево подъём,
мы жизни не чуем, но всё-таки мило живём.
Мы валим на бога, на мать его срам и грехи.
Но бог не ворует, не любит, не пишет стихи...

«Смерть приберёт, не закрывая книги...»

Смерть приберёт, не закрывая книги,
листы исчёрканы и меты на полях.

Чудак надеется до финишного мига...
Смени бельё и на постельку ляг.

Тебя обмоют, так ты не купался,
тебя побреют, так ты не сверкал
Не отражает жизни плоть зеркал;
элементарный финиш, доктор Ватсон.

«Разве помнит гусеница крылья?..»

Разве помнит гусеница крылья?

«Летом на окне снежинка...»

Летом на окне снежинка,
а зимой – листок.
Небо облаком зашито
вдоль и поперёк.

Мы ещё не проиграли,
и цветёт трава.
Тёплый вечер, трали-вали,
тихие слова.

Слёзы уксуса и мёда,
сладкая слюна.
Сердце воет на погоду,
рваная струна.

«Смертна роса на цветах полевых...»

Смертна роса на цветах полевых,
крест покосился и надпись стёрта...
Если не можем любить живых,
то на хрена любовь наша мёртвым?

«Нам оставил век одни загадки...»

Нам оставил век одни загадки,
как в косую линию тетрадки,
громкие предательство и подвиг
и плевки на них героев поздних.
И от воздуха свободы охреневши,
тупо тычут в нас, осиротевших,
вроде как на воздухе распятые,
указательные близнецы и братья.

«В строчке то Пушкин, то бог...»

В строчке то Пушкин, то бог,
выбей на улицу дверь,
кто-то лукаво помог
сделать игрушкой дуэль.

Видится издалека
медленной пули полёт
и ни ладошку, ни как
время не разорвёт.

«Пли!» – как истории блин,
пахнет дерьмом нафталин.
Боже, как неповторим
ангельский смех Натали.

«Живём по времени Дали...»

Живём по времени Дали,
квадратные гудят нули,
рот закрывает наши уши,
беременны тоскою души.
Возьми вина и булку хлеба
и напиши звезду и небо.

«Сделай ковчег в триста локтей, Ной...»

Сделай ковчег в триста локтей, Ной,
и отнесёт вода его к Арарату,
люди уснули крепким земным сном,
светлую веру и тёмную веру утратив.
И закрылись источники, и перестал дождь,
влага высокая снова в реки спустилась,
в чистых сердцах поселится новая ложь,
ветку зелёную в клюве несёт птица.

«Всего не перепробуешь, но есть...»

Всего не перепробуешь, но есть
все вина предержаний градус.
Реальность эту надобно прочесть,
не различая боль и радость.

Глухой – твой брат и поводырь – слепой,
раскачивай плечом ларёк вокзальный.
Мир тоже маятник, его кривое жало
всегда под пахом, если помнить По.

«Вот и мир проявился...»

Вот и мир проявился:
бутылка вина на столе,
кошкин завтрак:
два шпрота на блюде,

глаз едва различает
скупые предметы во мгле,
вещи плавают, падают,
прыгают и не бьются.

Туго глянешь в окошко,
поставишь весне минус балл,
кровь пройдётся по венам,
погладишь мягкую кись,

отодвинешь гардину —
май в грязную лужу упал —
и поправишь стихами
вялотекущую жизнь.

«Меня освободили, я – Варавва...»

Меня освободили, я – Варавва;
и крест мой наг, и гвозди целы.
Желающие есть? Вакантно место славы,
как слово, пролетая мимо цели.

Я ближе вам, я так же дурно пахну
лосьоном и дезодорантом,
я пью по воскресеньям, верю в Пасху,
люблю родителей и уважаю брата.

Я дым, я дом, я – жареное мясо,
я – развёрнутая словами масса.
Тень ваша под ногами. Я – Варавва.
Стон под грудную клеткой. Справа.

«Да Винчи безбожник...»

Да Винчи безбожник
да праведник Босх...
Мир, в сущности, множат
секс, зеркало, бог.

«Через час и в провинции будет полдень...»

Через час и в провинции будет полдень,
корни дерева говорят о том, что
земля вертится,
серый зимний закат,
ворона Басё на снегу
и ворон По на карнизе дома,
дождик Поля Верлена,
под глазами круги Данта,
глаза прощального вечера,
Мария Санта.

«Ты каштановый мой, мальчик-с пальчик...»

Ты каштановый мой, мальчик-с пальчик,
и хрусталь расколот в жёлтой зале,
в синей зале бесы ночевали
и открыли изумрудный ларчик.
Пили белые, и красные плясали.

«Дождь не похож на слёзы...»

Дождь не похож на слёзы,
но на рассказ о них.

«Сон жизнью, жизнь была войной...»

Сон жизнью, жизнь была войной,
был сладок спирт перед атакой,
и мы блевали под стеной
расписанного в дым рейхстага.

«Мы отдаём и шпагу, и кинжал...»

Мы отдаём и шпагу, и кинжал
и не под нашей мышкой топорище.
Актёр играет, и галёрка свищет,
катарсис обнажает скрытый зал.

По трупам пробираемся к двери,
где светит, как спасенье, слово «выход».
Темно в Воронеже и холодно в Твери,
в столице ядовиты вдох и выдох.

Готфрид Бенн. Из беспамяти

Под сенью бесконечных звезд
иду домой бог весть откуда,
в душе темно, на небе чудно, —
как самый изначальный бред.

«Не пропускай слова...»

Не пропускай слова,
чиста, как ночь, бумага,
едва штормит, едва
в нас теплится отвага.

Шумит Гвадалквивир,
вращаются созвездья.
Уже написан мир,
и мы читаем бездну.

«Душа идёт ко мне от жизни...»

Душа идёт ко мне от жизни,
сознание тянется от света,

спит на Земле моя отчизна,
горит звезда, как сигарета.

В конюшне бога зреет слово
подобно, образно, люdimo.

И ты, до чёртиков знакома, —
из облака огня и дыма.

Новый Иов

Мечтающий о благе кус гнилья,
в надежде узник и в одежде гол.
Нет, не дождётесь,дохлый пень не я,
я в горло бога направляю ствол.

Отныне первым буду я, отныне
я заражаю истиною взгляд,
шокирующая откровеньем блядь.
Но жив ли тот, кто гадит на святыни?

«Бесстрастен, бесконечен, лох...»

Бесстрастен, бесконечен, лох.

И всё же Слово, —

так волнуйся ж, Бог!

«Он видел смерть, за ней не видел бога...»

Он видел смерть, за ней не видел бога.
В кисельных берегах кисельный тлен
(в деталях уточнит за бытия порогом).
Когда работал в морге. Готфрид Бенн.

«Ты оглянулся, милый мой...»

Ты оглянулся, милый мой,
я стала тенью под тобой,
под солнцем – мёртвою травой.
Мой плод, как бремя Персефоны,
жив по космическим законам,
я жизнь и смерть в пустыне дикой,
как бог индуса, многолика,
я плод сама и я же – семя,
я небо и земное время,
я вне себя и я с собой
толика счастья, дикий вой.

Она не оглянулась. Мёртвый плод
был явлен жизни. Ремесло, науку,
искусство засунул в средний век народ,
рыдали звери и рожали скуку.
Стонал под небом тёмный перегной,
из тел воскресших вырастали сосны.
День ночью стал, проснулся червь земной,
набрал воды в рот и запел о солнце.

«Так хорошо, что позабыл вопросы...»

Так хорошо, что позабыл вопросы,
извилины сплелись с лучами солнца,
а посреди двора в пыли растаял кот,
а на карнизе квохчут две голубки,
кругами муха, прямо ласточка – летят,
дитя под бантиком обводит письмена,
в сохранности дошедшие из мрака,
молчит хозяйка, но скулит собака,
в саду, под деревом, едва приметен тать
И древний мудрый бог зачем учил считать?

«Разулся путь, и чернозём...»

Разулся путь, и чернозём
завяз в зубах корней и листьев,
сад в доску пьян, в сучок расхристан
и ворон вечен, мокр и чёрн.

Мужик выходит на поля,
ржаное семя в землю тычет.
Тысячелетия земля
темней Евангелия притчей.

«Мир полнится, течёт, растёт...»

Мир полнится, течёт, растёт,
ломает неба край.

Тому – свечу, тому – свисток,
бог не умеет брать.

«Из, может, разных тем...»

Из, может, разных тем
и всяких историй
и строится жизнь меж тем,
что было и будет вскоре.

Живёшь, не помнишь, зачем
жил? Рассказывай дальше.
Из горла быстрее кровь, чем
из порезанного пальца.

«Теченье в жизнь, синодик без начала...»

Теченье в жизнь, синодик без начала,
соседа недостроенный гараж,
наездница-судьба, лошадка чалая,
ваш духовник, банальный антураж.

Потом назад по этому ж набору
сосудосмыслов, точек бытия,
добавив только слово на заборе,
но напишу которое не я.

«Мы прощаемся, значит прощаем...»

Мы прощаемся, значит прощаем,
забыты обиды и слёзы,
всё улыбкой рассеяно,
как сонливость утренним чаем,

в наших тонких телах
зажгут фейерверки стрекозы,
в наших мыслях поселится
некий философ с бассейном.

Знаменитый художник
пишет уже Галатею,
и Пракситель ладонью
расправляет пушистое лоно.

Продолжается мир —
это просто задание на тему
озабоченного Пигмалиона.
Ты прощаешь себя,
ты надеешься снова на встречу,
разве кто-то другой
будет ждать тебя в лунной тоске?
Узнаёшь в ней себя? Отраженье
вне всяческих схем...
Снегом землю застелет,

ветер подует на свечи.

Марина Цветаева. Проявление

Жизнь, смерть, поэзия, любовь —
так быстро проговорено устами,
что горло вскрыла, расплескала кровь,
слегка соприкоснувшись словом с нами.

«В халатах белых – ангелы...»

В халатах белых – ангелы,
со скальпелем Господь,
остатки сна на жёлтом потолке,

за рамой тема Вагнера,
ладонь подушкой под
и лампочка висит на волоске.

Экспресс, пустые станции,
висячие сады
и облака из ваты и слюды,

не выдохнуть и не вдохнуть, пока
слова не отпадут от языка
и покорят сознание пространства.

Матернулся бог, упала молния,
тушь стекла с вороньего пера.
Вычислили, вычистили, вспомнили...
Без вещей и сухарей. Пора...

«Любовь твоя не остыла...»

Любовь твоя не остыла,
ты помни блудного сына.

Горячий свинец в затылок,
холодное лезвие в спину.

Свободна от слёз зона,
сестра твоего закона.

Стена из колючек, охрана.
Одна на двоих рана.

Холодный беззубый ветер
дорогу к тебе не вытер.

«– Из нас кому, душа, печальнее на свете?..»

- Из нас кому, душа, печальнее на свете?
- Мне, я не знаю смерти.

«Стоя спит часовой под стеной Кремля...»

Стоя спит часовой под стеной Кремля,
спит земля, приняв сто снегов на грудь,
мы под красной звездой родились не зря,
даже если сгораем под ней как-нибудь.

Ковчег революции качает вождя,
ему снится Арманд и партийный съезд,
потолок не течёт, не достать дождям,
бог не видит, эсер не съест.

Сделал дырку в истории в 70 лет,
и в неё холодные ветры гудят.
Спрячет снег у стены человека след.
В колыбели вождь, часовой на посту – спят.

«Какой-то злой и умный бог...»

Какой-то злой и умный бог
дал разум нам и сердце птичье,
чтоб нашу мерзость от величия
сам дьявол отличить не мог.

«Саврасов пишет в сотый раз грачей...»

Саврасов пишет в сотый раз грачей,
берёзы, подмосковные церквушки,
у золушек уже в слезах подушки,
и ворон гвоздь забил на Ильиче.

На даче дачник начертал черту,
коммунбригады убирают мусор.
Ручей играет молодого Мусоргского.
Зима растаяла, что твой язык во рту.

Весна. В груди хрипит аккордеон.
Саврасов пишет в сотый раз ворон.

«Крутая туча над испугом дня...»

Крутая туча над испугом дня,
за мерседесом листья волочатся.
Как мало марта... Как немного счастья...
Пока мы здесь, не потеряй меня.

«Бог душу вдохнул, но выдохнул волю...»

Бог душу вдохнул, но выдохнул волю,
пасёт Авель агнцев на братовом поле,
а Каин кидает пшеницу на камни,
и чья-то рука играет веками.

Листы пожелтели, земля потемнела,
холодное небо дождями разбито.
Адам починяет разорванный невод.
И Ева рождает, как правда под пыткой.

«У подруги душа...»

У подруги душа
на понюх гашиша.
Отдышавшись едва,
я пишу в ней слова.

По окружности жизнь,
словно ласточки лёт.
Над балконом стрижи,
под балконом помёт.

А в глазах синева,
как на клумбе трава.
В тихой комнате смог,
водка, русский разлив.
Я забыл, что ты Бог,
ты забыл, что я жив.

«И всё же русский ямб неистребим...»

И всё же русский ямб неистребим,
от поздней осени рябиновая чарка,
в небесных лужах пирамиды парка
и от земли к звезде – неслышный гимн.

Горят леса, гусей тревожный крик,
в паденьи листьев пятистопный ритм,
и валит в осень свет последний лето,
как валит с ног любви глоток последний.

«Разбавляясь душой, как вином...»

Разбавляясь душой, как вином
плоть, от рук отбиваясь, взлетает,
раньше было и клёво, и мало,
а сейчас не клюёт, и давно.

В каждом омуте смысл и наука,
в каждой твари улыбка и свет.
Вы умеете радостно хрюкать
подошвой от советских штиблет?

«Разрушит мир за пять реальных дней...»

Разрушит мир за пять реальных дней,
погасит свет, нет бога кроме бога.
Всё. Больше никаких затей.
Скрутил сигарку, курит на пороге.

«Пока я пьян, пишу стихи...»

Пока я пьян, пишу стихи,
растёт крапива у порога,
двенадцать мировых стихий
латают созданное богом.

Пусть на гектарах недород,
звезда по всем дорогам светит,
с мотыгой по середине лета,
задрав штаны, Господь идёт.

«ОДИНОКИ ДНИ ПОЭТОВ...»

Одиноки дни поэтов,
кофе, водка, сигареты...
Береги их на том свете,
ангел жизни, ангел смерти.

Большая трава

*Я не знаю, кто из нас двоих пишет эту
страницу...*

Х. Л. Борхес

«Сад, скамейка, червивое лето...»

Сад, скамейка, червивое лето,
сколько Ев и Адамов оставил быть хлорофос!
Террикон муравьёв, добровольное гетто,
шоу бабочек, гусениц форс.

Он приходит, и мелко волнуется дрожь
тёмных листьев и кровью налившихся роз,
плотный воздух прослоен и сладок
и желанием тянет от яблок.

Он живёт здесь долгие тысячи лет,
его кожа блестит, а тело змеится,
ему снится высокий и неопалимый свет
и пространство, куда не летают птицы.

«Не любить я не могу...»

Не любить я не могу,
тихий вечер, грустный случай,
я беру, и ты получишь,
ты не лжёшь, и я не лгу.
Спит бурёнка на лугу,
дятел тюкает по дереву.
Ева – чудо, Ева – стерва.
Отказаться не могу.

«Погибнув на сцене, он пьёт в дешёвом кафе...»

Погибнув на сцене, он пьёт в дешёвом кафе,
цепляет вполсилы входящую женщину взглядом,
зеваает, в подкорке находит наполненный ядом
бокал, звенит в голове, некто в чёрном приносит кофе.

С утра он отравлен, неловок, не волен.
Но вот уже вечер подводит весёлый итог.
Когда бы не рампа, секущая линия боли...
Он делает пробный, как будто последний, глоток.

«Кот на цепи, в избушке Баба-...»

Кот на цепи, в избушке Баба-
Яга, Кощея смерть на дне
реки, Царевна-жаба
снимает шкурку (иль исподнее),
вода живая, мёртвая вода,
где ваши кружки, дамы, господа?
Ушли в болота, сгнули, засранцы.
И спящие не хотят просыпаться.

«**Чувства осени отчаянны...**»

Чувства осени отчаянны,
у зимы сознание спит,
коротает вечер с чаем
незаконно знаменит.
Поедает апельсины
далеко от отчих мест,
где суровы, долги зимы
и спокойно спит поэт.

«Я пил, разбавляя неправдой добро...»

Я пил, разбавляя неправдой добро,
я портил ей жизнь, выжигая нутро.
И вот из далёких космических дней
сказали, что я виноват перед ней,
и жёлтая чашечка звёздных Весов
упала и мне исказила лицо.

Я видел всё в свете превратном с тех пор,
я слышал обман, где вели разговор,
я чуял предательство там, где молчали,
я знал о конце, где едва начинали,
я видел в рожденье твоём, человек,
страданье длиною в твой жизненный век.

Я с богом не бился, я только писал
и пил, то с товарищами, то сам,
лукавая осень считала деньки,
как строчки редактор, как ангел грехи.
Я видел в стекле, изучая планеты, —
нет жизни и водку не пьют на том свете.

Я пил, повторялась привычная драма:
жена терпелива, а слабость упряма.

И осень ушла, засыпаны снегом
стихи и дороги и пахнет побегом
в такие пьянящие, новые дали,
где даже и боги быть не мечтали.

«Я на мгновенье замер, я замёрз...»

Я на мгновенье замер, я замёрз
в кусочке льда, в смешном желанье Гёте.
Прекрасно сумасшествие колёс,
прекрасно то, что навсегда проходит.

По городу осенний дождь проходит,
глаза отводит мокрый старый пёс,
он в нашей жизни жизни не находит.
Я на мгновенье замер и замёрз.

«Нам не больно – играют за нас...»

Нам не больно – играют за нас,
брызжет кровь, обрываются чувства,
из разбитого таза в таз
проливается влага искусства.

Глаз не видно, кремешная тьма,
стервенеют и стулья, и ложи.
И король не сошёл бы с ума,
если б мы не хотели того же.

«Мир грязи, полный скотства и любви...»

Мир грязи, полный скотства и любви...
Я выжил. Жизнь, на смерть благослови.

«Холодный день сорит лучами света...»

Холодный день сорит лучами света,
за ветерком ленивых листьев свита,
панель чиста, как совесть президента,
с шести утра кафе уже открыто.
Мне всё едино, старому бродяге,
какой январь идёт навстречу жизни,
я пью за тихий сон моей отчизны,
и сыплет снег над Веной или Прагой.

«Воскресные дни по аллеям проходят...»

Воскресные дни по аллеям проходят,
на листьях отметки любви
июльского солнца и груди в моде
под номером семь, се ля ви.

Ошейник и жёсткая клетка на морде
и так же хозяйка грустит.
Я ей бы помог, полагая, что в моде
лишь то, что дрожит в горсти.

Живущий листок от солнца до ветра
не чувствует наших утех.
И падает в лужу твоя сигарета,
и кашель похож на смех.

«Не по себе равняем, а по истине...»

Не по себе равняем, а по истине
слова, что по Сократа лысине
равняли юноши златые кудри,
смакуй с философом нектар цикуты.

Простое – сложно, лживое – правдиво,
скучна раскрытая загадка дива,
жалка раскрытая загадка девы,
но сладок уксус мыслящего древа.

Кати, Фома, своих сомнений камень,
мы в суете своей тебя помянем.
Встаёт от сна разбитая дорога
и свет неверный, словно образ бога.

«Уходя, оглянись...»

Уходя, оглянись:
глина свежая, дождь,
равнодушная ложь...
Уходя, торопись.

«Июльский полдень облачился в тучу...»

Июльский полдень облачился в тучу,
очнулись в предвкушении дождя
дорога, дерево, компоста куча
и каменная статуя вождя.

Оставь мечтанья на шестой странице,
из городка уходят шесть дорог,
и все приходят в красную столицу,
где каждый третий – червь,
и каждый третий – бог.

Рим щит вручит, Москва слезам не верит,
так вытри их, родная, ё-моё...
Живи в селе, баюкай сиськи зверя,
который дважды в день кефир даёт.

«Мы ждём тепла, как Павел ждал еврея...»

Мы ждём тепла, как Павел ждал еврея,
мир, задыхаясь и всю ржавея,
не видит зла, добро не называя,
лежит истории святой у края.

Разведены мосты, разорваны дороги,
опущены на дно карманов боги,
раздавлены умы и подобрили страсти,
играет всё и камни тёмной масти.

Летят на запад, обезумев, птицы,
в разбитых зеркалах дряхлеют лица,
судимы раз, да не судимы будем,
забыли первый день, последний нас забудет.

«В разрывающей вены вселенной...»

В разрывающей вены вселенной
нет ни места, ни листопада,
мы печальны и звёзды тленны
в неизбежности скорой распада.

Согласись, это всё некстати —
выпадение зубов и бессилье,
жил да был, не скупился, тратил,
опaday на диване, сирый.

Бьёт картечью осенний ливень,
выпей спирту, как перед атакой.
Ночью снова приснятся липы,
Пенелопа и небо Итаки.

«От белой вьюги потемнело...»

От белой вьюги потемнело,
морозы остеклили ветки,
на улице живут лишь окна
с иссиня-чёрными крестами.

«Такое сложное устройство...»

Такое сложное устройство
дано растительному праху,
а ты не поддавайся страху,
ищи в себе и в почве ройся.

Останутся пустыми норы,
сползут листки, как кожа, с древа.
И на хрена мне Пифагора,
и вам, крутая теорема?

«Уже цветёт черешня, зреет слива...»

Уже цветёт черешня, зреет слива,
в печи трещит горючий антрацит.
Пишу быстрее, живу нетерпеливей,
и родина, как мусорка, коптит.

«Кем-то выпит уже небосвод...»

Кем-то выпит уже небосвод,
три звезды, как слюда от селёдки,
пролетел над землёй самолёт,
расстрелял чувака и красотку.
И они в тихом трансе лежат,
тихо ночь свою бездну качает,
коротает поэт бездну с чаем,
и в углу её мыши шуршат.

«В одной стране бюджет, общак, чулок...»

В одной стране бюджет, общак, чулок,
с одних подмостков и попса, и Блок,
бессмертная и нищая страна
под сердце и в печёнку нам дана.

Бескрайние км и беспредел,
пахан у власти, но почти без дел,
блажен народ, как притчи про Христа.
Немного веры, счастья, маета...

«Коридоры больниц и тюрем...»

Коридоры больниц и тюрем,
светозарные щели вселенной,
мы с подругой, целуясь, курим,
дым кругами уходит в нетленку.

И земля в сумасшедшем раже
уползает в созвездье Дивана,
заявляет сосед о пропаже
двух соседей, от счастья пьяных.

Их всю ночь ищет милиция
на краю пустоты синеокой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.